

Пролог

Город засыпает.

Просыпаются чудовища.

Сползаются под окна, шипят, скалятся. Мерцающие взгляды лезвиями рассекают густую ночь — и та опадает к когтистым лапам черными подгнившими лепестками.

Внутренний дворик, окруженный прямыми спинами домов, с наступлением темноты превращается в арену, где нет правил.

Кроме одного.

Убей или будь убитым.

Димка смотрит сверху вниз, сжимая одной рукой половину ножниц — почти с него размером — и упирая острие в красивый, еще свежий после недавнего ремонта пол. За такое мама бы не ругалась — она бы просто раздавила грузом вины и громким молчанием. Ведь Димка не только портит гладкий, будто бы сделанный из дерева настил, но и ребячится, опрометчиво играя с опасными вещами, — хотя в его почти-шестнадцать вроде как не положено. Выученная хорошесть бежит по венам

с кровью, от нее никуда не деться днем. Когда ты — примерный ученик, старший сын и заботливый брат-полунянька.

Наверное, поэтому Димка каждую тревожную полночь превращается в тыкву. Ладно, не в полночь, скорее ближе к трем, и не в тыкву, а в героя. И защищает свой город, обманчиво крохотный, от вторжения тех, кого, как оказалось, не напрасно боятся дети.

Вылетев во тьму вопреки всем законам физики, он замахивается грозным оружием и слышит за спиной отчетливое «чпок» — с таким звуком раскрывается красивый детский зонтик, розовый, с котятами. А значит, маленькая принцесса рядом, парит чуть позади, одной рукой придерживая корону — ну куда же принцесса без нее?

Фонари, окружающие площадку, опасно перемигиваются, то одновременно затухая, то вновь ярко вспыхивая. Пары секунд хватит, чтобы одного слишком удачливого героя поймали за щиколотку и впечатали в серое зерно асфальта. Чье-то покрытое зеленой слизью щупальце щелкает слева, в опасной близости, свивается тугими кольцами. Димка видит, откуда оно тянется: кракен цвета маминых румян сидит под сдавливающей его «паутинкой», пучит зеленые глаза с вертикальными зрачками. Похожие на переваренные сосиски щупальца тянутся вверх — не к Димке, а к маленькой принцессе, парящей над ним в раскрывшемся колокольчике платья и забавных кружевных панталонах.

Замахнувшись полуножницами, Димка уходит в штопор, отсекает одно щупальце, затем второе. Они разлетаются к краям площадки, не переставая извиваться. Приземлившись, он припадает на одно колено, поправляет очки костяшкой

указательного пальца — не разбить бы. Взрослым плевать на ночные геройства, не приносящие ни славы, ни денег. Геройства, о которых они даже не догадываются. А вот за очки можно и получить — не подзатыльник, но неподъемный немой укор. Чувство несправедливости все сильнее клокочет где-то между ребер, Димка проворачивает невидимый ключ, открывает иллюзорную клетку — и выпускает его наружу.

Он несется к кракену, разрубая на бегу новые и новые щупальца, и стискивает зубы. Раз. Позади приземляется принцесса, шаркают крохотные босоножки — наполненный ветром зонт тянет ее вперед, не давая остановиться. Два. Димка ныряет под щупальце, спружинив, перескакивает через него, заставляет скрутиться узлом — и гордо усмехается, представив, как кинематографично, должно быть, смотрится со стороны. Три. Невидимые зрители беззвучно аплодируют, не жалея ладоней.

У Димки впереди — душная обыденность, в которой он — совершенно не герой. Такие чаще становятся сайдиками* с забавной неброской внешностью, без особых перспектив и способностей. Но здесь и сейчас, под недовольный писк принцессы, он сражает чудовищ, сверкая в свете фонарей пока еще отвратительно белыми кроссовками.

Если бы какой-нибудь несуществующий наглый репортер однажды спросил: «За что вы сражаетесь?», Димка бы, слукавив, ответил: «За спокойствие горожан». Лишь про себя признался

* Сайдик — помощник главного героя или злодея. — Здесь и далее примечания автора.

бы: «Мне нравится убивать чудовищ». Без оправдания: «Разве убивать, защищая кого-то — целый город! — так уж плохо?» Себя Димка предпочитает не обманывать, опасаясь однажды просто запутаться, как котенок в пряже, и не выбраться без посторонней помощи. Ну а кому приятно сматывать обратно в клубок чужую ложь?

Димка не кричит, не рычит — бьется молча, пока внутри взрываются петардами эмоции. И когда верные полуножницы вспарывают розоватую плоть почти беззвучно, Димка ловит на своем лице улыбку, которую, к счастью, не замечает принцесса. Иначе расстроилась бы, стукнула бы кулаком, возвав к совести простым: «Тебе так приятно кого-то обижать?» Уничтожать чудовищ почему-то благородно, а вот получать от этого удовольствие — уже жестоко. Грань тоньше волоска, и не умеющий танцевать Димка неловко отплесывает на ней, пока та не сотрется полностью.

Вой кракена удивительно похож на человеческий голос, и в ответ сердце безумно стучит, подпрыгивая до самого горла. Димка пинает очередное щупальце, не пытающееся его сбросить, скорее болезненно дергающееся, извивающееся дождевым червем, — и опускает полуножницы. По рукам стекает голубая, в ночи кажущаяся скорее черной, кровь. Кракен не в силах выбраться, железная «паутинка» крепко удерживает его — лишь врачаются бешено два изумрудных глаза.

— Дима! — кричит принцесса, а затем начинает бормотать, мурлыкать как котенок.

Димка понимает, взбирается выше парой ловких прыжков. Железные перекладины, на которых он стоял только что, сминает очередное мощное щупальце.

Принцесса не вмешивается. Как и положено принцессе. Но внимательно следит за миром своими огромными глазищами. Она — по уши в приключениях, которые затем сможет зарисовать цветными карандашами в новом, пока еще совсем пустом альбоме.

— Спасибо, — хрипло отвечает Димка, рывком вытаскивает полуночницы и соскаивает вниз.

Свободной рукой он бесцеремонно хватает принцессу за шкирку — и под недовольный писк ставит на лавочку. Оставшиеся щупальца то ползут к нему, стремясь ухватить за ноги, то пытаются заткнуть кровоточащий синим надрез. Кракен не один, не один — Димка видит сгустившиеся под деревьями глазастые тени, — но он, пусть и запертый, определенно распугал остальных. Как задиристый школьный верзила.

Получив от принцессы поглаживание по руке, Димка ловит теплую ладошку и, на мгновение задержав ее в своих холодных пальцах, бросается к умирающей твари. Полуночницы рассекают ночь, ловя лезвием истаивающий фонарный свет. Любопытная луна глядит со своего облачного пьедестала, как последним точным ударом герой с отпечатавшейся на лице улыбкой убивает чудовище. Ее Димка, приминая окровавленной кроссовкой обмякшее тело кракена, пытается стереть тыльной стороной ладони.

Обернувшись к ожившим теням, Димка говорит самое бана́льное из возможного: «Ночь будет длинной» — и кладет полуножницы на плечо. Говорит — и тут же хлопает себя ладонью по лицу. Но чудовища не слышат, а если слышат, то не понимают. А принцесса слишком занята тем, чтобы платье сидело красиво. И чтобы из-под него не выглядывали кремовые панталоны с бантиками. И все равно лицо пылает, обожженное стыдом. А Димка ловко спрыгивает с «паутинки», подняв в воздух ленивое облачко пыли. Он идет, а за ним тянется синяя цепочка следов, которую уже скоро смоет белесое утро.

Часы неумолимо бегут к рассвету, оставляя все меньше времени для геройств. Димка никак не привыкнет к тому, какой удивительно короткой в такие моменты становится ночь: он просто проваливается в нее, такую невозможную, жертвуя сном и рискуя жизнью. Он не задумывается, а можно ли откаться, поэтому выжимает из ночи все, прежде чем вновь станет обычным собой, с уроками, одноклассниками и домашними заботами. В мире, где никто не знает, что творится с наступлением темноты.

— Дима! — зовет принцесса. Она уже разобралась с платьем и теперь указывает зонтиком на ближнюю тень, расползающуюся на несколько фигур.

Димка до сих пор удивляется, как во все это угодила она, такая хрупкая, точно хрустальный колокольчик. И как чудовища не добрались до нее, не схватили за пятку, не утащили в пыльное — хотя какая там пыль: Димка старательно наводит в комнате чистоту — подкроватье. Принцессино любопытство

безмерно, она практически не боится — возможно, потому, что рядом всегда Димка. Герой с совсем не героической близорукостью, который без очков едва ли отличил бы монстра от дерева. Или от енота.

И когда Димка выходит вперед, раскручивая полуножницы, принцесса лишь поддерживающе пищит. Она не хлопает в ладоши — громкие звуки заставляют ее закрывать глаза и вздрагивать, — зато внимательно смотрит. И неуклюже убегает от опасности со всей серьезностью, на какую только способна маленькая принцесса, удерживающая под мышкой зонт. Она искренне считает, что помогает уже тем, что не мешает.

Вот бы избавиться еще хоть от одной хищной тени, пока не наступит рассвет. Ведь чудовища не бесконечны. Однажды он очистит город и со спокойной душой отправится отдыхать, высыпаться, будет не только близоруко щуриться в ночь, но и гордо смотреть в светлое будущее. Ведь именно этого от него ждут в негеройском настоящем.

Димка отталкивается от земли и мчится вперед, замахиваясь оружием.

И время замирает.

Глава 1

Двое не сияют

Пол липкий от сока. И к нему пристают носки. Они шерстяные, длинные такие, потому что Димка всегда снимает их, схватив у большого пальца и с силой потянув на себя. Он уже вырос из того возраста, когда можно безнаказанно делать глупости. Он делает их наказанно и ничуточки этого не стыдится.

Вот и сейчас он сидит за столом напротив заспанного папы, ремешок часов которого прикусывает густые темные волосы на руке, громко швыркает чаем и хрустит сушками. Даже когда мама, безупречная утренняя мама, приподняв одну бровь, бросает тихое, шипящее: «Прекрати». Будто за столом есть кто-то еще.

Завтракать всей семьей — это как пить шампанское под куранты или задувать свечи в день рождения. Тоже традиция, но более регулярная и менее приятная. Потому что родители молчат, переговариваясь одними взглядами, пока Димка с Таськой, его младшей сестренкой со смешной стрижкой-шапочкой, почти синхронно зевают, заталкивая в себя еду, которую, если верить папе, мама готовила с любовью.

Сегодня у маминой любви снова села батарейка: чай холодный, каша дрожит на тарелке желеобразным островом, а ягоды, обычно красиво выложенные, разбросаны, будто кто-то стряхнул их прямо с куста. «Совсем не фотогеничный завтрак», — сказал папа, только войдя на кухню, но его тут же уничтожили молчанием. Мама умеет молчать так, что все внутри болезненно скручивается.

Впрочем, из хаоса яблочных долек Тася собрала цветок, обвела вокруг него кашу и теперь клюет носом над тарелкой, почти заваливаясь в нее.

— Опять спит за столом, — недовольно шипит мама. А Димка хрустит баранкой.

— Наташа, да хватит тебе. Она же малая совсем. Небось просто до ночи бесилась. Таська, прием! — Папа легонько стучит указательным пальцем Таське по плечу, и та тихонечко пищит.

Через окно в кухню протискивается белесое утро, пытаясь заполнить собой все. Сегодня оно раздражающе навязчивое: вместо того чтобы мягко лежать на гладком боку чайника или плясать на тарелках, с беспощадностью боксера бьет в глаза. Димка щурится, глядя на уродский белый тюль через ресницы. Снова хрустит баранкой, за что получает такое ожидаемое:

— Хватит. — Голос звучит громче, резче.

Батарейка мамы почти на нуле. Димкино терпение тоже.

Он как раз заскочил в тот возраст, когда замечания взрослых не нужны. Вот только сами взрослые этого почему-то не понимают. Они считают себя старше, умнее, хвастаются невидимыми шишками, в которые нужно безоговорочно верить,

но при этом забывают, что сами когда-то были маленькими. Димка видел мамины детские фотографии, на которых она с огромными бантами, будто сделанными из того самого тюля, в белом платье с юбкой-колоколом. Хотя уже тогда мама выглядела серьезной и, можно было поспорить, умела скручивать внутренности взглядом. Она наверняка справлялась со своим «сложным возрастом» лучше того же Димки. И была уж точно более стойкой, чем Таська.

— Таисия Андреевна, — зовет папа, и Таська, все так же пища, пытается обвить его руку и повиснуть на ней. То ли котенок, то ли маленькая мартышка.

— Опять до вечера проспит, а ночью — хрен уложишь. — Мама говорит «хрен» так тихо, будто боится заразить очередным ругательством. По ее мнению, дети редко фильтруют услышанное, фильтры-то у них отрастают годам к восемнадцати, не раньше.

Сложным возрастом она называет переходный — когда ты уже не ребенок, но еще не полноценный взрослый. Димка с этим в корне не согласен: все-таки первая любовь не сможет тебя убить, а родители и так уже достаточно тебя не понимают. Поэтому он и сомневается: ну неужели его чем-то удивит привычный мир? Что нового в нем появится, кроме ЕГЭ и девчонок, успевших вырасти во всяких местах?

— Мы разве тебе чем-то мешаем? — огрызается Димка, понимая: к нему претензии — только за раздражающий хруст баранки. И за носки, которыми он снова прилип к полу и которые теперь медленно отлепляют.

— Что это такое? — Намеренно не обратив внимания на вопрос, мама заглядывает под стол, смотрит на липкий глянец под разлохматившимися носками.

— Сок, — догадывается папа. Видимо, по цвету. — Полагаю, персиковый. Из чашки-непроливайки.

— Из чашки-вполне-себе-проливайки-если-очень-поста-раться, — ехидничает Димка, а папа хохочет, даже не пряча смех за кашлем.

— Да вы издеваетесь надо мной, что ли? Дим, почему нель-зя сразу вытереть лужу?

Батарейка на нуле. Мама в гневе. И чтобы заглушить ее громовой голос, требуется десять сушек одновременно. Она обещает посадить — не то на таблетки, не то на цепь. Обещает лишить — то ли телевизора, то ли права голоса. Слова вылетают из ее рта недовольными пчелами. И, как и полагается пчелам, ужалив, они падают к Димкиным ногам свернувшимися трупиками. Эту правду, про пчел, когда-то рассказал папа, а помогает она до сих пор. Мамины слова жалят и умирают. Димке больно, но он, в отличие от них, хотя бы жив.

— Так мы разве чем-то мешаем? — повторяет Димка, когда пчел у ног становится уж слишком много. Они засохнут и будут хрустеть под домашними тапочками, напоминая о мамином недовольном лице.

— Подумайте, какой умный нашелся. — Мама отправляет в полет еще одну пчелу, но уже ленивую. Маме вечно недостает самого опасного — аргументов, поэтому она берет только взрослостью. И правом требовать что угодно в обмен

на компьютер, телефон и вечернюю прогулку. — Ну хорошо, Дмитрий, — полное имя подчеркивает жирной красной линией серьезность разговора, — сегодня за Таськой присматриваешь ты. Так что после школы чтобы был дома. Как же я от вас устала. У всех дети как дети...

Вот только что-то Димка не видел этих «детей как детей». Ни в школе, ни на площадке. Танька, например, вся увешана серьгами и тройками. После каждого родительского собрания мама обещает убить ее, но на следующий день Танька непременно воскресает и снова идет в школу. Вовку за каждую четверку колотит отец, обладающий даром не оставлять синяков. А может, Вовка просто врет — за привилегии. Его жалеют учителя, а девчонки, те самые, которые по натуре спасатели, прыгают рядом, желая вытащить его из пучины. Машку тошнит от столовской еды, но она до сих пор считает, будто никто об этом не знает, — а ее осиный улей считает РПП* веянием моды, способом следить за фигурой, попросту уничтожая ее: а что, нет фигуры — не за чем следить. А Илья курит и жует хвою, отчего пахнет бабкиной деревенской печкой.

Но мама в упор не замечает их, вспоминая лишь отличников — и непременно тех, кто не перечит родителям. Димка стоит среди них одной ногой. Стать «училкиным любимчиком» мешает единственная четверка по немецкому. Но Димка наслаждается этим несовершенством, не желая получить клеймо, даже шуточное, от друзей.

* Расстройство пищевого поведения.

Иногда, чтобы с кем-то подружиться, нужно быть хоть немного, но сломанным: таких детей вечно сгребают в одну кучу. Вместе им легче противостоять целым и тем, кто себя целыми считает. Димка растет в семье, которую с уважением называют полной. Мама любит папу, папа любит маму, и полюбили они друг друга так, что на свет сперва появился сам Димка, а потом, спустя десять лет, Таська. Родители хорошо зарабатывают, поэтому дырявая одежда мгновенно сменяется новой, а карман Димки оттягивает какая-то свежая модель телефона. Димка учится почти на отлично и даже по физкультуре не отстает, сложен вроде неплохо, умеет держать удар. И только пара незначительных трещинок все это перечеркивает в глазах тех самых целых одноклассников. Очки и непростые отношения с буквой «р», которым не помог даже логопед.

Димку это не огорчает. За него будто сделали выбор — учителя и одноклассники, — к какой компании он примкнет, быстренько разделив класс на своих и чужих. И чужих Димка, как и полагается, не любит. У жизни вообще до ужаса простые правила, хотя в каждом по десятку исключений.

Не бери того, что тебе не принадлежит. Только если человек не козел. Тогда не страшно.

Хочешь найти хорошую работу — хорошо учись. Но когда у твоих родителей до горчицы бабла, можно забыть о красных цифрах в дневнике, тебе и так открыты все дороги.

Ты ребенок ровно до шестнадцати лет. А после шестнадцати — лишь наполовину взрослый.

С шестнадцати лет ты можешь работать. Можешь даже получить срок. Тебе открыт весь тот спектр развлечений, который и взрослым не очень-то нужен.

Через пару недель Димке тоже шестнадцать. И, раскусывая очередную сушку — будто ломая кому-то позвоночник зубами, — он отматывает время назад, внимательно отсматривая, точно кинопленку, прожитые годы и пытаясь прикинуть, что дальше. От мыслей тревожно — до холодных ног и потных ладоней. Больше всего — за Таську, ведь если он наполовину вырастет, она останется совсем одна в жестоком мире детей, с которым совсем не ладит.

— Хорошо, мам, — отвечает Димка. Мама сдержанно улыбается, явно радуясь, насколько может, своей маленькой победе. Димка и так присматривает за Таськой почти ежедневно. Но маме подчас важно, чтобы он добровольно отдавал ей свою свободу. Наверное, так, по ее мнению, и ведут себя те самые выдуманные «дети как дети».

Утащив у зазевавшейся Таськи яблочную дольку, папа выскользывает из-за стола и целует маму в макушку. Он позавтракал одним черным кофе, который отчетливо пах палеными волосами, но ему пора в офис — так он говорит. Хотя, когда Димка выходит из дома — на полчаса позже — и тащится с тяжелым рюкзаком в школу, он порой видит папину машину. Но, как и полагается хорошему сыну, молчит. Молчит он и о маминых клиентах, которым она порой жалуется на ничем — кроме денег, конечно, — не помогающего мужа. Димка слышит это опасное жужжание, когда заглядывает в ее студию после уроков. Идеаль-

ность семьи давит на его плечи. Но так уж устроены взрослые: им иногда нужно выносить сор, чтобы дома становилось почище.

— И никаких мультиков, — строго говорит мама, в который раз напоминая, кто дома устанавливает правила. — Можете погулять вместе, но только чтобы со двора — никуда. А потом...

— Потом буквы попишем, — перехватывает нить разговора Димка и тянет на себя, по привычке. Маме иногда нравится эта игра: так Димка кажется ей старше, ответственнее. Потому что действий — учебы, заботы о сестре, помоши в уборке — почему-то не всегда хватает. — И почитаем, — добавляет Димка, ощущая в кулаке крепко зажатую нить.

— Не хочу читать, — хнычет Таська, но скорее из-за того, что не выпалась.

Ей нравятся книги, особенно те, в которых есть принцессы. Таська и сама мечтает быть такой — красивой, скучающей и в длинном платье. Правда, пока ее наряды — по-детски короткие, а под ними — бессменные колготки. Но стоит отдать маме должное: они всегда необычные, с медвежьими рожицами, ромбиками или цветочными узорами. Впрочем, Таське они все равно не по душе. И даже Димкины истории о том, как он в детстве тоже носил такие — разве что попроще — утешают ее лишь на пару секунд.

В коридоре суетится папа, спешно надевает ботинки. Димка может даже не видеть этого, он прекрасно слышит, как начищенная до блеска обувь тихонько стукается каблуками о пол; как папа, ругаясь, одной рукой пытается снять лопатку с крючка, роль которого играет обыкновенный гвоздь; как в очередной раз

проходится по носам щеткой. А затем, посмотревшись в зеркало — перед каждым выходом папа обязан удостовериться, что все в порядке, — он бросает в изогнувшись буквой «г» коридор:

— Пошел. Всем хорошего дня!

— И тебе! — нестройным хором отзываются Димка и мама. Таська же невнятно мурлычет под нос то ли напутствия, то ли песенку.

Нет для Димки ничего неприятнее утра, которое хочет казаться обычным. Когда все делают вид, будто отвратительно холодный завтрак не похож на клейстер, когда мама старательно прячет обиду на своих неправильных детей, когда папа, проделав свои ритуалы, торопится уйти. А Димка смотрит на плавающий в чае лимон и очень хочет надеть удобную толстовку с капюшоном, разрушив хрупкую иллюзию нормальности.

Но, в очередной раз прилипнув к тому, что когда-то было соком, он заталкивает в себя остатки завтрака — старается не расстраивать маму сверх меры, — встает и идет в свою-Тасину комнату, где в шкафу дожидается идеально выглаженный строгий черный костюм.

* * *

Дети будут всегда.

И монстры будут всегда.

Наверное, криком «Мам, у меня в шкафу чудовище!» уже никого не удивить. Кроме того самого чудовища, которое, вопреки ожиданиям, заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru